

Узнав, что Вэнь Цзюэ проснулся, Цзян Чуан немедленно сорвался с места и помчался с заднего двора обратно в покои. В мыслях у него был лишь сюрприз, приготовленный для Чжиюя.

Едва отворив дверь, он услышал лёгкий плеск воды. Не раздумывая, генерал поспешил на звук и без стеснения шагнул за ширму, да так и застыл на месте.

По воде рассыпались чёрные как смоль волосы. Рябь и клубящийся пар не позволяли рассмотреть, что сокрыто в глубине, – лишь смутно угадывалась белоснежная кожа.

Вэнь Цзюэ прильнул к краю лохани, стараясь как можно глубже уйти под воду, и, вцепившись руками в её борт, поднял голову на звук шагов.

Щёки юноши покраснелись от тёплого пара, порозовели даже кончики пальцев. Влажное, подобное нефриту лицо было совсем не таким, как под привычным затейливым убранством.

Сейчас Вэнь Цзюэ больше напоминал себя прежнего – того, каким был, когда они вдвоём бежали от беды. Даже без всякой краски он с лёгкостью лишал Цзян Чуана рассудка.

Мокрые пряди липли к плечам. На ключицах и плечах ещё виднелись следы, оставленные Цзян Чуаном. В желтоватом свете свечей всё это будило в генерале неудержимое воображение.

Цзян Чуан сглотнул. «Чудно! Стало быть, не врал в книжках – бывают же на свете лисы-оборотни!»

Потухшие, незрячие зрачки придавали лицу выражение невинности и трогательной беспомощности, отчего оно выглядело ещё соблазнительнее.

Однако поджатые губы и сведённые брови без слов выдавали беспокойство юноши, и это мгновенно привело оторопевшего Цзян Чуана в чувство.

Подождав немного и различив лишь всё более тяжёлое дыхание, Вэнь Цзюэ осторожно спросил:

— Это вы, генерал?

Цзян Чуан ничуть не устыдился своего наглого поведения. Напротив, он шагнул ближе, не удержался и провёл пальцами по влажным бровям супруга, пользуясь случаем полюбоваться подводным зрелищем, после чего бессовестно заявил:

— Не генерал, а твой муж. Где Чаннин? Как он посмел оставить тебя одного в такой миг?

Вэнь Цзюэ словно с облегчением выдохнул и накрыл его ладонь своей. Настороженность в его жесте сменилась нежностью:

— Я сам отослал его. Только хотел встать и одеться, как вы, генерал, ворвались...

Он потёрся щекой о ладонь мужа, и у Цзян Чуана растаяло сердце. Наклонившись, тот поцеловал супруга в уголок губ.

Вэнь Цзюэ послушно прикрыл глаза и сам потянулся навстречу, коснувшись носом его носа. Кадык Цзян Чуана дёрнулся. Из всех сил сдерживая себя, он хрипло произнёс:

— Помочь тебе одеться?

— Отчего бы не искупаться вместе? — уголки губ Вэнь Цзюэ приподнялись в усмешке. Он обхватил пальцами предплечье мужа и продолжил с откровенным вызовом:

— Я слышал, в воде... это тоже дарит особое наслаждение.

«И за что только в прошлой жизни я вечно выслушивал от него брань?» – подумалось Цзян Чуану.

В прошлой жизни, когда он только спас Вэнь Цзюэ, тот был измождён, подавлен и утратил всякую волю к жизни. Неизвестно, сколько мучений пришлось ему вытерпеть в плену у третьего принца. Лишь когда тот выставил Вэнь Цзюэ заложником, угрожая великой старшей принцессе Чэнью, принц, должно быть, всерьёз пожелал умереть.

Если бы не Чаннин, погибший ради его спасения, Вэнь Цзюэ, верно, не дожил бы до прихода Цзян Чуана.

После спасения он даже не пытался притворяться перед генералом и совсем пал духом.

Цзян Чуан не мог видеть его таким. Сердце его сжималось от мучительной жалости, и он не выдержал и съязвил:

«Ты ведь у нас искусный интриган! Ну и что же? Совсем расклеился? Или это ты нарочно ломаешь передо мной комедию, чтобы разжалобить меня и подольше удержаться под моей защитой?»

Слова и впрямь подействовали. До этого Вэнь Цзюэ сидел, свернувшись в клубок, а теперь медленно поднял голову. Вид у него был совершенно убитый, но ответ прозвучал так, что Цзян Чуан едва не задохнулся от злости.

«Простите, что разочаровал великого генерала Цзяна. Вы потратили столько сил, чтобы спасти никчёмное существо. От былой красоты не осталось и следа, на меня теперь тошно смотреть. Вы трудились понапрасну, не получив и малой улады. Бросьте меня, пока императорский брат ничего не заподозрил».

Цзян Чуана захлестнула обида. Он с риском для жизни, пойдя против воли государя, вызволил принца, а тот выставил всё так, будто генерал спасал его лишь ради мимолётной похоти!

В ярости Цзян Чуан вылетел вон и, только хорошенько подравшись с кем-то за дверью, сумел остудить свой гнев.

И теперь он чувствовал себя обиженным. Несправедливо! Обиднее, чем той самой Доу Э!

Да разве он похотлив? С Вэнь Цзюэ он ссорился целых три года и все эти три года терпел!

Это всё этот лис-оборотень нарочно каждый день его дразнит! Двух слов не скажет без лукавства, так и норовит лишить самообладания! И ведь ещё его же и обвиняет!

Глядя на соблазнительный вид супруга, Цзян Чуан трижды глубоко вдохнул, подавил поднимавшееся в теле волнение и затем «свирепо» ущипнул его за щёку:

— Если не хочешь захлебнуться в этой лохани, замолчи! Немедленно вставай и одевайся!

Улыбка застыла на лице Вэнь Цзюэ. Это совсем не совпадало с его ожиданиями. Как же так... сдержался?

Цзян Чуан отвёл взгляд и подал ему с вешалки полотенце и одежду. Вэнь Цзюэ пришлось, держась за его руки, подняться и шагнуть из лохани.

Генерал не осмеливался смотреть на него: от одних лишь звуков – плеска воды, шороха одежды – кровь вновь вскипала в жилах. Куда уж там глядеть!

А ну как глянет – и вся ночь уйдёт неизвестно на что.

Однако лисёнок не отставал. Его ладонь легла Цзян Чуану на спину и мягко скользнула к поясу.

— Муж мой, я ничего не вижу, и на мне плохо сходятся завязки. Поможешь?

У Цзян Чуана всё сжалось внизу живота. Несколько секунд он молчал; лишь нечеловеческим усилием ему удалось унять волнение и заставить себя повернуться.

Тонкая исподняя рубаха облепила влажное тело Вэнь Цзюэ и стала почти прозрачной. Юноша беспомощно сжимал в руках завязки.

Стиснув зубы, Цзян Чуан затянул их, затем отыскал верхний халат, облачил в него супруга и укутал в плотный плащ.

Всё он проделал так быстро и ловко, что генералу почудилось, будто он уже почти достиг святости. И только закутав мужа так, что не осталось ни единой щёлки, он с облегчением выдохнул и, взяв Вэнь Цзюэ за руку, усадил его на стул, чтобы просушить ему волосы.

У Вэнь Цзюэ настроение было далеко не из лучших, и он заметно притих. Все его уловки одна за другой потерпели неудачу: ему так и не удалось вновь лишить Цзян Чуана самообладания и заставить его потерять голову. Неужели... и впрямь поможет только приворотное зелье?

Просушив волосы до половины, Цзян Чуан взял его за руку и вывел из комнаты, загадочно сообщив:

— Проголодался? Пошли со мной!

— Что такое? — не понял Вэнь Цзюэ.

— Дойдёшь – узнаешь! — Генерал давно бы подхватил его на руки, если бы не был весь перепачкан. — Давай, аккуратно, вот порог. Ай да Чжияй, до чего же уверенно ступаешь!

Вэнь Цзюэ не знал, плакать ему или смеяться:

— Подумаешь, переступить порог. Стоит ли так нахваливать?

— Ты – другое дело! — С гордостью ответил Цзян Чуан. Впрочем, он всё же не сдержался и приоткрыл супругу завесу над своим «сюрпризом»:

— Когда я проснулся, сразу почувствовал голод. А ты ещё спал. Я подумал: проснёшься – тоже, верно, захочешь есть. Но будить кухарку в такой час – слишком жестоко. Вот я и...

Цзян Чуан придержал его, не давая идти дальше. Вэнь Цзюэ вытянул руку и впрямь ощутил перед собой необычное тепло; до него донёлся дразнящий, умопомрачительный аромат.

— Я поймал на заднем дворе двух кур. Ощипал их, обмазал приправами, завернул в

промасленную бумагу, а поверх облепил толстым слоем глины. Потом сложил хворост высокой горкой, оставив внутри подобие входа, как в пещере! Когда дрова прогорели до красных углей, я закинул туда этих кур, затем расколотил угли и укрыл ими тушки, чтобы мясо дошло на остаточном жаре. Оно получается удивительно ароматным и нежным – объедение!

Этому способу я научился в армии. Когда не было сражений, мы выбирались на охоту и ели, что добудем. Еда, приготовленная так, благоухала на десять ли вокруг и пробуждала отменный аппетит! Ты ведь вырос в глубине дворца и наверняка никогда не пробовал курицу, приготовленную подобным образом! Непременно попробуй!

Он не видел происходящего перед собой, поэтому Цзян Чуан усадил его и взялся описывать картину, а затем принялся рассказывать про свои злоключения:

— Ты даже не представляешь: когда я ловил этих кур, Чэнь Линь принял меня за разбойника! Ну и слепой же он! И ведь ни с того ни с сего двинул мне ногой!

Услышав это, Вэнь Цзюэ нахмурился и потянулся ощупать его грудь:

— Он поранил тебя? Сильно?

Цзян Чуан со смехом перехватил его руку:

— С чего бы это твой муж был хуже какого-то Чэнь Линя? Я увернулся и сам подставил ему подножку, так что он растянулся и наглотался грязи! Ха-ха-ха!

Смеялся он раскатисто и от души, и Вэнь Цзюэ не удержал улыбки:

— Кхм, Чэнь Линь ведь просто оберегал дом. Досталось же ему.

Цзян Чуан замер, глядя на улыбку супруга, и на душе у него вдруг сделалось тоскливо. Казалось, он впервые видел, как Чжияю смеётся так искренне, без тени расчёта, по-настоящему радуясь.

Вэнь Цзюэ удивился его молчанию:

— Что случилось?

Цзян Чуан угрюмо буркнул:

— Ты назвал его Чэнь Линем.

— А? — опешил Вэнь Цзюэ. — Но ведь ты сам так его зовёшь.

— А ты... ты меня ни разу не назвал по имени.

В прошлой жизни он называл его «генералом», «великим генералом Цзяном», «мужем», но по имени – никогда. Позже, поняв, что всё это было притворством и расчётом, Цзян Чуан ещё пуще разозлился и тоже перестал звать его Чжияюем, а стал обращаться не иначе как «пятый принц», «Ваше Высочество».

Когда же Вэнь Цзюэ испустил дух у него на руках, Цзян Чуан горько пожалел о своей обиде. Кто сказал, что в расчёте не может таиться хоть немного искреннего чувства?

Тон его звучал до того жалобно, будто Вэнь Цзюэ сотворил невесть какую провинность. Принц

поджал губы и смягчил голос:

— Цзян Чуан. Я ведь знаю, что тебя зовут Цзян Чуан.

Но генерал снова покачал головой:

— Не то.

— А? — не понял Вэнь Цзюэ.

Цзян Чуан взял его ладонь и принялся выводить на ней знаки:

— Юньчуань. Моё второе имя.

— Юньчуань... — Вэнь Цзюэ впервые слышал о его втором имени и повторил задумчиво:

— Цзян Юньчуань.

— В твоих устах даже моё имя звучит куда приятнее! — обрадовался Цзян Чуан. Ему хотелось обнять мужа, но, памятуя о собственной грязной одежде, он лишь крепче сжал его ладонь:

— Чжияюй, мой Чжияюй.

Запечённую курицу Цзян Чуан обстучал веткой, сбив глиняную корку. Дав мясу немного остыть, он снял промасленную бумагу и переложил угощение в миску, подробно описывая Вэнь Цзюэ каждое своё движение.

Вэнь Цзюэ слушал и сам мысленно рисовал его действия, только вот у привидевшегося ему Цзян Чуана никак не проступало лицо.

Убедившись, что курица уже не обжигает, Цзян Чуан поднёс кусочек к губам мужа:

— Попробуй. Вкусно?

Вэнь Цзюэ откусил. На языке растёкся горячий сок; мясо оказалось нежным, сочным и в меру солёным, оставляя во рту тонкий аромат. Он кивнул:

— Вкусно!

Цзян Чуан с облегчением выдохнул:

— Тогда не зря меня дважды клюнул этот петух!

— Тебя петух клюнул? Больно?

— Да терпимо. И всё из-за Чэнь Линя! Если бы не он, не досталось бы мне от петуха и не пришлось бы отбиваться, когда он вскочил прямо на меня! А ведь я, между прочим, в армии был первым охотником!

Вэнь Цзюэ снова улыбнулся и, накрыв его руку своей, стал успокаивающе гладить её:

— Сюда? Сейчас поглажу - и всё пройдёт.

Кадык Цзян Чуана дёрнулся.

— Вот вернёмся в спальню, я сначала вымоюсь, а после как следует продолжим то, что не закончили. Ну а вода... В другой раз можно и попробовать.

От его внезапных слов Вэнь Цзюэ вспомнил недавнее разочарование, и на душе у него потеплело. Значит, он был вовсе не безразличен – просто хотел, чтобы супруг сперва утолил голод, и оттого...

Вэнь Цзюэ едва заметно улыбнулся:

— А я уж подумал, что ты не хочешь...

— Хочу! Ещё как хочу! Но сначала надо наесться, чтобы у меня были силы хорошенько тебя... А тебе тоже надо поесть, чтобы хватило сил выдер...

Цзян Чуан мысленно выругался. Не успел он договорить, как Вэнь Цзюэ зажал ему рот ладонью:

— Всё, хватит. Больше ни слова.

<http://bllate.org/book/20326/2029323>